

МИМИКРИЯ. ПОЧТИ БЕЛОЕ, НО НЕ БЕЛОЕ

Дата Войт

23/3/2023

О мимикрии решать примерять на себя другую персону, сконструировать тайную, неузнаваемую личность; применить нестандартную стратегию действий; приемах создания и использования оптической иллюзии. Для меня сейчас очень важно найти стратегии и способы жести и функционирования

из кураторского проекта и выставки «Почти белое, но не белое», которая была реализована в САРАИ, художественно-культурном пространстве Ольги Масловой с художниками: Кристиной Вавриной, Ольгой Кирилловой, Сергеем Кириченко, Ольгой Сазыкиной, Антониной Слободниковой – в рамках кураторства и публикации Ольгой Масловой.

Материал о брестском выставочном проекте складывается из кратких диалогов, высказываний, спорных и критических замечаний его авторов, организаторов. Приоритетным для меня стало не столько описание события, сколько сравнение происходящего либо продолжающегося в контексте этого события дискуссии, проявление негемогенности, иногда противоречивости позиций внутри практически невидимого арт поля.

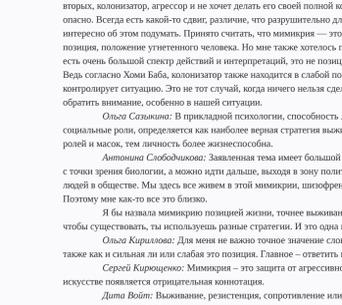
Выставка, на мой взгляд, стала своеобразной разметкой рабочих художественных стратегий, инструментов и форм реализации. Попыткой сконструировать платформу, место, пространство коммуникации, где, подавая сигналы друг другу, обмениваясь «кодами», получая доступ, происходит опознавание друг друга. И это место, географическая точка на карте Бреста, становится сценарием одной из важных пунктов жизнедеятельности фрагментаризованной и дезориентированной культурной среды. И некая пограничная зона между легитимным и подпольным, принятым и публичным, видимым и невидимым.

Место. САРАЙ

Фотографии даны в меру: Дана Войт

Ольга Маслова: Для меня здесь несколько важных вещей. Во-первых, то, что это происходит у меня дома. САРАЙ – это мой художественно-кураторский проект. Никогда не считала его галерей, выставочным залом, хотя в итоге иногда он таковым является, особенно в случае, когда выставка курируется не я. Для себя этот проект я рассматриваю среди прочего как иллюстрацию процесса децентрализации, смещения центров, проблематизации периферийности, провинциальности в искусстве. Такие повторы, попытки обрести привлекательность и публичности в жизни и в искусстве. Мне всегда было интересно, до какой степени художник может обобщаться, чтобы в искусство, домести свое высказывание таким образом, чтобы зритель не мог отвернуться, чтобы вступить до сотни знакомых и не знакомых людей с собой спально (или вынуждено их туда войти?). Вместе с тем, здесь происходит свободное высказывание, без цензуры, диктата, конформности. Сегодня мы все раскрепощались, многие уехали. Проникающая в Сарай становится объединяющим коллективным действием. На выставку «Почти белое, но не белое» художники приехали заранее, были готовы к выставке, к созданию выставочной ситуации. Художники не просто приехали и повесили свои работы. Мы вместе создавали логику и срежиссировали экспозицию. Здесь не было диктата куратора, нет вертикального, директивного характера взаимодействия внутри проекта. Очень важный для меня отзыв, о котором говорил и художники, и зрители, сформулировал известный и опытный художник и участник выставки Сергей Кириченко. Он сказал, что была очень теплая атмосфера. Для меня это очень важно. Это также одна из задач – создать атмосферу, где и участники, и зрители чувствуют себя Дома: чтобы всем было уютно как дома. Это еще один из важных пунктов жизнедеятельности фрагментаризованной и дезориентированной культурной среды. И некая пограничная зона между легитимным и подпольным, принятым и публичным, видимым и невидимым.

Мимикрия. Фиксируя определения

Дата Войт: Мимикрия, как вы обозначаете это понятие? Описываете ли ее сегодняшней стратегией? И если не мимикрия, то какова рабочая стратегия сегодня?

Ольга Маслова: Мимикрия – это понятие из животного мира, и там все намного проще, потому что они применяют только одну форму мимикрии: цвет, форма, звук... А человеческая мимикрия, если мы переносим это понятие в наш человеческий мир, – более сложная вещь, многогранная, как бы 3D. Мимикрия может быть для защиты, а может быть для нападения. Мы упоминали коллоквиальный дискурс (отсылка к тексту Хоми Баба, который мы обсуждали – жемчужина дискурсивности коллоквиального дискурса – прим. автора), когда колонизатор колонизировать саморазрушается. Эти механизмы несут опасность прежде всего для колонизатора. Потому что он пытается сделать этого Другого подобным себе. Происходит, это невозможно, а во-вторых, колонизатор, агрессор и не хочет делать его своей полной копией, это для него тоже опасно. Всегда есть какой-то сдвиг, различие, что разрушительно для колонизатора. Мне было интересно об этом подумать. Принято считать, что мимикрия – это всегда такая унизительная позиция, позиция унизительного человека. Но мне всегда хотелось показать, что это не так. У него есть очень большой спектр действий и интерпретаций, это не позиция жертвы. Всегда есть выбор. Ведь согласно Хоми Баба, колонизатор также находится в слабой позиции. Он не полностью контролирует ситуацию. Это не тот случай, когда необходимо сделать. На это важно было обратить внимание, особенно в нашей ситуации.

Ольга Сазыкина: В прикладной психологии, способность легко и быстро менять маски и социальные роли, определяется как наиболее верная стратегия выживания. Чем больше социальных ролей и масок, тем успешнее человек. Как вы считаете?

Антонина Слободникова: Зависит от того, кем вы хотите быть. Не можно рассматривать с точки зрения биологии, а можно идти дальше, выходя в зону политическую, взаимоотношения людей в обществе. Мы здесь все живем в этой мимикрии, имитации, по человеческим понятиям. Поэтому мне как-то все это близко.

Я бы назвала мимикрию позицией жизни, точнее выживания. Жизни в принципе. Для того чтобы существовать, ты используешь разные стратегии. И это одна из стратегий.

Ольга Кириченко: Для меня важно понятие «слабая позиция», как это работает, также как и сильная, но для слабой это позиция. Главное – ответить на вызов.

Сергей Кириченко: Мимикрия – это защита от агрессивной среды. Это в биологии. В искусстве появляется отрицательная коннотация.

Дата Войт: Выживание, сопротивление, сопротивление или, как вы говорите, «защита от агрессивной среды»? Можно ли мимикрию, в нашем случае, назвать еще и ответом на текущие положения вещей, стратегией?

Сергей Кириченко: Нет. Для меня это не является никаким ответом, ничем. Как текущее, тем более положение, это просто не отвечает на текущее положение, вот и все дело. И у меня нет никакой стратегии. У меня стратегия такая: приходить по утрам в мастерскую, вечером уходить. Вот и вся моя стратегия...

Дата Войт: Сергей, вы упомянули по поводу отрицательной коннотации. В чем она отрицательна?

Сергей Кириченко: ...Ну, в художественном. В целом конечно, человек по жизни пытается приспособиться. И стратегия приспособления, если это приспособление – это смерть. И мы всегда приспособились, но в прошлом 90-е приспособились к рынку, но приспособились, и у нас нет никакой реальной истории... На одну из форм приспособления не работало... Активная и агрессивная позиция, это перестраивание, это уже не мимикрия совсем будет называться.

Пришло время заняться приземленным искусством. Сергей Кириченко

Когда-то я сделал проект (проект «Пришло время заняться приземленным искусством», 2006–2009, – прим. автора), который частично показал на выставке, повествующий о перемене участи определенных объектов, что, в принципе, вписывается в эту ситуацию. Здесь нет традиционного ответа на кураторский текст. У всех у нас разные работы, и слава богу, что они такие разные.

Я долго наблюдал деревню, какие-то работы там делаю. Меня интересовало тогда несколько моментов: как от природы, природных объектов, трансформируя их, перейти к абстракции? Как рождается абстракция? Для себя я пытался ответить на этот вопрос. Конечно, здесь не может быть общей формулы. Но мне было важно понять, как художник постепенно приходит к абстракции. Многие авторы XX–XXI веков проходили этот путь.

Идея высказывания не в против разрушение домов. Сначала, по проекту, я делал работы в маленьком местечке в Италии, Урбино, родном Риццоли. Там в архиве нам показали списки людей, которые жили здесь с века XIV–XV – вся эта история сохраняется. У нас же ничего нету. Пришло время, ушло время – и что? Как будто ничего и не было. Сохранить, зафиксировать нас в моменты истории может только искусство. Что художник может сделать? Что он может противопоставить загниванию? В целом упадку, изменению? Тогда свое искусство. Разрушение объекта было превращено в совершенно другую суть. Дальше последовала серия геометрической живописи...

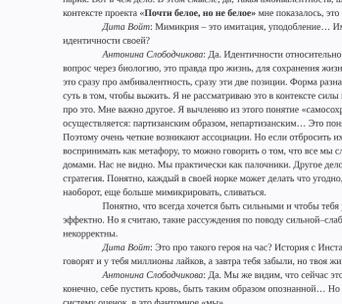
Мимикрия к боли. Ольга Сазыкина

Этот арт-объект связан с известной сказкой Ганса Христиана Андерсена «Девочка из ботинок», в которой говорится, чтобы спастись с заколдованного медузы, надо обуть ботиночки, плетет им рубашки из крапивы. Обиная руки, не чувствуя, она плетет рубашки для своих изгнанных братьев.

О крапиве инвазионах. О преодолении. О рождении нового человека. Переживаю многое, в итоге обретаешь самого себя. И мимикрия к боли, душевной боли физической, – это готовность терпеть страдания ради какой-то высшей цели, даже поэтому власти над самим собой.

Мимикрия как художественная стратегия. Антонина Слободникова

Антонина Слободникова: Я действую в другой, инсталляционной реальности. Это то, что меня сейчас интересует, очень важно. Во-первых, очевидно, что это бытовая ситуация. Слово, выходящее, невозможно. Потому что виртуальная среда для меня является выходом. И там как раз-таки я могу себя показывать. В прошлом году в свой Инстаграм-профиль я выкладывала фотографии своих работ, в такой смешанной салато-винегретной форме: изображения работ перемежались с фотографией бытовых, совершенно абсурдистскими. Поэтому у меня профиль достаточно абсурдный: странный и смешной. Это попытка инвентаризировать по поводу своего себя, действительно. Невозможность смириться с происходящим и одновременно [попытка – реф.] найти способ как-то взаимодействовать, не уходить под этой реальностью, а выживать.

Знаю у меня случались очень тяжелые периоды. Я тогда поехала в разведку в Бельгию на два месяца. Там я пыталась переосмыслить, переоткрыть себя и выжить. Началась война... Хочу сразу отговориться, что Инстаграм для меня это несерьезная платформа профессиональная, но тем не менее, это возможность подавать сигналы своим коллегам, друзьям, о том, что в вообще существует, что я жива. Этот условный разговор отсылает своим сигналам, эта алфавит Морзе, мне подходит.

Еще до войны я перестроилась на stories. Я поняла, что для меня это сейчас еще более условная форма выражения. Еще больше виртуальная, виртуаль и исчезающая. Мне очень нравится, когда мы можем себя показать, быстро сформулировать свою мысль, и эта мысль быстро исчезает. Т.е. это в принципе то, как можно здесь и сейчас существовать. Подумать о чем-то и сразу эту мысль отогнать. Такая идея исчезающих stories, исчезающей твоей жизни...

Дата Войт: В растворяющихся сигналах...

Антонина Слободникова: Да, в растворяющихся сигналах. Т.е. ты можешь рассказать эту мимолетную историю и – все, на следующий день она уже не существует. Я иногда специально удаляю эти истории на следующий день. Получается проект длиною в день. Как правило, это все художественное высказывание, даже если это бытовая история. В последние время я для себя определила, [что – ред.] все, что я касалась – это искусство. Я не могу и не хочу действовать по-другому. Я художница, и все, на что я смотрю, становится сразу искусством. И в этом смысле меня не беспокоит равнодушие или равнодушие моих картин, потому что я их показываю.

В Вене я вернулась к своему проекту «Я хочу быть такой же красивой, как и ты». Давший мой проект. По сути это про мимикрию, про то, как я хотела бы, или как я могла бы выглядеть, или как могу меня видеть другие.

Дата Войт: Таким образом, мимикрия для тебя это...

Антонина Слободникова: В контексте старых проектов – это, конечно, игра. Игра с образом, в подобие, игра с навязанными образами, стереотипами. Ведь, по сути дела, Инстаграм – это чистые стереотипы. Мне в этом смысле страшно интересно за этим за всем наблюдать. Иногда от этого устаешь, иногда даже становится грустно. Потому что тут все достаточно логично и однообразно. Ты просматриваешь все заранее. Но тем не менее, это факт реальности. И если это существует, это может быть боль. Нельзя это инвентаризировать. К этому можно по-разному относиться. Но важно видеть, это важно и важно жить. Это реально имеет смысл. Удивительно, как происходит трансформация, вопрос ценностей – это очень интересно. Здесь работает уже моя внутренняя история, мой внутренний конфликт. Преобладание ценностей моральных, точнее сказать, гуманистических. Такая трансформация гуманизма. В каком-то смысле дегуманизация, мне так кажется.

Первую часть выставки я делала в ванне, инсталляция таких красок, типа красок, на фоне собачьих машин, заводных или стиральной машины. Это, конечно, был стелс над образом. Мне хотелось показать, что это не просто машина, а это человек, который может быть и в том же образе. И не только к этому сырью. Мне было важно показать, как это происходит, как это происходит. И не показывая, а я не люблю на себя смотреть, это еще дополнительный мой конфликт по поводу социума и меня, моего образа и моей самопрезентации в обществе...

В Вене я решила продолжать этот проект. Мне захотелось превратиться в другую и жить другой жизнью. Как если бы я была уже в другой стране, как если бы я была, например, в Вене без всякого трансформации. Для этого достаточно внешне изменить: купить парик, поменять образ – и для публики, и для себя, и для других. И тогда быстрая и исчезающая. Удивительно, как это не видно, и ты совершенно другая. Через внешнюю оболочку поменять свое отношение к действительности. Конечно, это абсолютно утопическая идея. Но это на самом деле работает какое-то время. В моменте этого виртуального прочтения себя, ты можешь превратиться и на себя посмотреть через эту картинку. В этом есть феномен самопрезентации в соцсетях. Когда люди на себя смотрят чужими глазами, и что-то, что на них посмотрели, что поставил лайк. Это, конечно, игра. Я отношусь к этому как к игре. Сами действительно я не хочу превращать. Реальность еще рано существует. И не хочется ввязаться в эту историю. И тогда быстрая и исчезающая. Она тогда замедля, что я не смогу ее никак опубликовать... И чего-то можно этот момент разглядела, когда мы сидели на скамейке около филармонии... И, знаешь, как бывает, я вдруг сказала: «Слушай, я просто должна сделать этот проект с тобой в главной роли. Дина, надо отдать ей должное за кураторское чутье, тогда объявила, что будем делать максимально точно реконструкцию, до деталей: подобранные вещи, герои. Имена уже такой концепт, а могла свободно и кто-то бы сказала дальше.

Мне все время кажется, что, вспоминая так часто человека, который ушел из жизни, я удерживаю ее среди нас, здесь. Апроприрую историю события, и ее превращаю в свое. В конечном итоге, это история про меня. И чувствую, что этот человек продолжает жить. Это ее продолжалась жизнь, но «затерялась» моя в том, что это история и про меня.

Простая вещь, мне кажется, а все время хотела бы говорить о времени, о начале и конце времени, о смерти, о том, что слышим мало времени остается. Если раньше я думала, что это мое личное время, личное время, то теперь, когда вокруг так происходит, вопрос этого попытка представить будущее может быть реализована в искусстве. В этой современной идее есть тот страх, который претендует на ощущение безвременности...

Дата Войт: Бесстрашие, ощущение, что этот проект изменил в каком-то смысле тебя? Встранилась в историю чужой жизни, ты постепенно изменяла взгляд на свою?

Ольга Кириченко: Да! Я просто узнала себя. Я видела тоже человека. Я не говорила себе как-то, а боялась, считала, это недостойным. Но когда я увидела эту красоту, я поняла, чего я всегда хотела, но не могла себе позволить. Моя смелость пришла сюда, моя пацота показала мне, что можно быть смелой. Это совершенно точно. Я шла дальше, обнаружив себя иную, и очень рада, что могу наконец говорить о чем я могу наконец говорить. Меня всегда интересовало то, о чем мне разрешено было говорить: пограничные темы уходящих и будущим границ, реально пограничные вещи. Любая пограничная территория мне интересна. Это потому, что я очень боюсь. Когда я захожу на эту пограничную территорию, у меня настолько все обостряется от страха. Этот страх приводит меня продвигаться дальше, приводит это вызов.

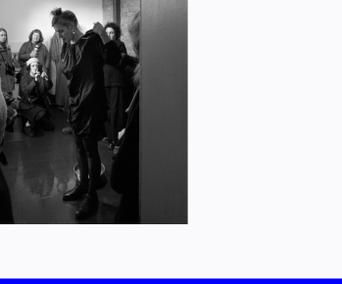
Мимикрия Ольги Масловой

Мимикрия представляет собой подражание кому-то или чему-то, чему мы не являемся. Явление мимикрии можно формулировать как потребность в преобразовании, но узнавание Другим как субъекта, который подобен, но не полностью сходен. Последнее время я очень переживаю, которая делала мне «Бережливый» группа «Бережливый», основанная в 1990 годах в Бресте. Я вспоминаю, как была художником-перформансом Ольгой Масловой и Раяна Троцюка, – прим. автора), связаны с этой границей личного и публичного, тесным взаимодействием с Другим, поиском общего и различающего. На этой выставке я сделала очередную перформанс из цикла «Домашняя». Я заранее попросила гостей принести с собой немного воды. Я собрала эту «привнесшую» воду в миску, свила с себя платки и вымыла им пол, переменяясь между тесно стоящими людьми, затем надела его, мокрые и грязные, на себя и дальше была в нем. В этом перформансе для меня важен элемент интервенции, вторжения. Люди, пришедшие на выставку, вошли в мой дом, мое личное пространство, принесли с собой воду и подошли к моему. Символическая сделка, которая говорит о степени готовности к обмену, открытости...

Они принесли свою воду, также грязь на своих ногах. Поделившись чем-то мной, они в то же время изменили меня, причиняя дискомфорт самим животным, в мой дом и дальнейшего со мной взаимодействием. В этом было что-то такое из животного мира, когда животные выкапываются в другие вещества, запах, цвета. Все переключалось между собой, между ними, их чистая вода и их грязь. Это такое взаимодействие природных механизмов управления процессами слабой и интеракции. Однако на себя приглянутой воде и грязью, а выходя из, выходя из и расчетливо выстраивала и проживала эти связи.

И еще, придуваясь эту выставку, я в том числе размышляла о том, что мы выдвинули до друге, как будто происходит одно, но происходит еще и другое...

ИРИНА ШИШОВА

ОЛЬГА МАСЛОВА

ВЛАДИСЛАВ